

За пределами наших когнитивных способностей: критерии трудных проблем

Когда я только начал серьезно интересоваться философией сознания, знакомиться с основной литературой, я был удивлен двумя вещами — и сознание не было одной из них. Во-первых, для меня был вновинку сам стиль аналитической философии. Действительно, было удивительно, как легко придумывают новые понятия аналитики, насколько не держась за устоявшиеся и используемые концепты. Я видел в этом особой методологический смысл — ведь проблема сознания не решена, нет даже удовлетворительного плана по ее решению — так почему же стоит использовать неудачные понятия неудачных решений.

Интуиция и здравый смысл подсказываю каждому из нас, а значит, и философам, которые занимаются проблемой сознания, что есть что-то в нашем сознании, что и делает его сознанием: та совокупность сознательного опыта, личного и ненаблюдаемого с позиции стороннего наблюдателя. А наука, психология и нейробиология, подсказывает нам, что есть нечто, что присутствует на функциональном уровне в сознании каждого, каким-то образом обрабатывает этот опыт, структурирует, использует, хранит, воспроизводит.

Именно вокруг этих двух аспектов — свойств нашего сознания — и происходит дискуссия последние полвека — водораздел проводят по границе между этими двумя свойствами, утверждая, что приватность и квалитативность опыта это и есть суть самого сознания. А функциональная составляющая уже относиться ко вторичному списку проблем — сначала надо понять как возможна эта квалитативная, непротяженная, приватная природа сознания.

В аналитической философии сознания придумано множество названий каждой из составных частей этого разделения, хотя я лично считаю его только метафорой, моделью, удобной для исследований сознания до определенного момента. Это и квалиа, и феноменальное сознание, и сознание доступа, и функциональное сознание, и психологическое сознание, информационная и феноменальная чувствительность, сознательный опыт, осведомленность — мы можем найти и другие варианты.

Сейчас, как мне кажется, пальму первенства все-таки держит Дэвид Чалмерс, который нашел, вероятно, самое точное определение для этой феноменальной составляющей сознания и вопросов, связанных с ее объяснением. Как известно, Чалмерс дает название этой области исследований, а соответственно, и предмету исследований — «трудная проблема сознания». И действительно, трудная проблема сознания — это проблема квалиа, это проблема феноменального сознания, это проблема сознания доступа, это проблема «каково-это-быть». Как я уже говорил, Чалмерс делает то, что первоначально очень удивляло меня в работах аналитиков: он вводит новый термин для описания в общем-то уже имеющих и описанных интуиций относительного нашего сознания.

Но тут он несколько отличается от своих предшественников: ведь его определение¹ оказывается очень метким. Действительно, проблема сознания трудна для нашего решения. Но почему она трудна?

И это второй момент, удививший меня еще в самом начале моего знакомства с проблемой сознания. Собственно говоря, моя статья призвана прояснить этот вопрос — по-

¹ Я, правда, встречал словосочетание «трудная проблема сознания» в труде Райла «Понятии сознания», однако не уверен, что смысл употребления такой же, как и у Чалмерса. В любом случае, это требует отдельного прояснения, вне рамок этой статьи.

чему трудная проблема является таковой? На мой взгляд, именно это меня удивило, большинство исследователей сознания подходят к этому вопросу (пусть даже они не называют трудную проблему трудной, но подразумевают ее трудность в своем описании проблемы) исключительно некритично. Я считаю (и надеюсь показать это дальше), что проблематизация трудности «трудной проблемы» должна дать нам несколько новое понимание как самой проблемы, так и способов ее решения, если таковые имеются.

Для начала посмотрим, как именно описывает трудную проблему ее «создатель» Чалмерс в своей статье «Навстречу проблеме сознания»:

«По настоящему трудная проблема сознания это проблема опыта. Когда мы думаем и воспринимаем, возникает поток обрабатываемой информации, но помимо этого есть и субъективный аспект. Как отметил Негель (1974), имеется то, каково быть сознательным организмом. Этот субъективный аспект — опыт. Когда мы видим, к примеру, мы испытываем визуальные ощущения: ощущение красности, опыт восприятия темноты и света, ощущение глубины визуального поля. Другие данные опыта сопровождаются восприятиями различных модальностей: звук кларнета, запахи нафталиновых шариков. Затем есть телесные ощущения, от боли до оргазмов; ментальные образы, которые возникают в нашем воображении; ощущение эмоций, и ощущение потока сознательной мысли. Что объединяет все эти состояния так это то, что имеется то, каково быть в них. Все они состояния нашего опыта».

Таким образом, Чалмерс действительно указывает на существование опыта, как определенного феномена, который отличен от функций нашего сознания. Но это делает не только он, и он делает это не первый. И за счет того, что опыт отличен, объяснение этого феномена должно стать другого рода задачей, с другим решением, какое он, собственно говоря, и приводит.

Что Чалмерс не приводит — так это объяснения, почему все-таки трудна трудная проблема. Возможно, кому-то кажется, что объяснение тут не нужно, что трудность проблемы самоочевидна, или же что объяснение все-таки есть. Однако, на мой взгляд объяснение того, почему трудная проблема трудна, необходимо, потому что это объяснение — уже часть решения самой проблемы. И если не привесить это объяснение в силу его сложности или непроработанности при введении самого термина «трудная проблема», то это все равно стоит обговорить. Но, судя по всему, Чалмерс даже не видит такой проблемы — трудность трудной проблемы самоочевидна для него.

Но, как я уже сказал выше, задача этой статьи в том, чтобы критически осмыслить эту очевидность. И в самом деле, в первый момент на контрасте с перечисленными легкими проблемами (будем следовать мысли Чалмерса в той же статье) трудная проблема кажется нам действительно таковой — настолько, что нам не требуется никакого дополнительного обоснования. Впрочем, обоснование все-таки имеется, правда оно некритично заявлено. По сути, трудная проблема трудна, потому что это проблема объяснения нашего опыта — именно так говорит Чалмерс. Его основной пафос — трудная проблема такова, потому что: во-первых, ее никто не решил до сих пор, а во-вторых, и это главное — она об опыте. Однако качеств, которыми обладает наш опыт, еще не достаточно, чтобы говорить о его трудности.

Такого рода подход, который демонстрирует Чалмерс, объясняя трудность трудной проблемы, мне видится основным в философии сознания в настоящий момент, и он берет начало в картезианском способе сказывания о психофизическом дуализме. Есть какого-то рода субстанция, возможно, свойство, явление — что угодно, принципиально отличное от всего того, что мы знаем: ненаблюдаемое извне, приватное, возможно, нематериальное. Эти все качества указывают нам на то, что объяснить это будет очень непросто. Будем считать такой способ определения трудности трудной проблемы онтологическим. Поскольку сама природа изучаемого объекта такова, что ее будет сложно объяснить.

Давайте обратимся к другим областям нашего познания. Что легкого в них? Человечество активно познает мир *абстрактных* объектов. Математика, литература, физика — все эти области связаны с существованием объектов, наблюдаемость которых также весьма проблематична. Возьмем, к примеру, доказательство теоремы Пифагора — я уверен, что по-настоящему понимают его далеко не все, вполне вероятно, что даже осмысленно воспроизвести его удастся многим из нас не с первого раза (признаться, я никогда не смущался математики, но никогда и не блистал в ней). Ведь речь идет об идеальных объектах — идеальных сторонах идеального прямоугольника. Где существуют они? Как возможно говорить нам об этих ненаблюдаемых сторонах? Что позволяет вести нам успешное исследование в области математики?

Или же физика — работы по исследованию микромира требуют глобальных допущений, идущих в прямое противоречие со здравым смыслом и всем тем, что наблюдаемо нами в мире. Гипотезы квантовой науки противоречат здравому смыслу ровно настолько, насколько противоречат решения проблемы сознания (наверное поэтому их так часто совмещают). Вопросы макроистории физического мира: рождение и развитие Вселенной, существование и качество пространства и времени, формы существования материи, границы мира — все эти вопросы также находятся на грани, а возможно и за гранью того, что мы можем себе представить.

Я уверен, что можно выделить еще направления нашего познания, где мы сталкиваемся с объектами, познание которых вызывает у нас сложности. Сложности как в том, что даже теоретизирование идет вразрез с нашим здравым смыслом и интуицией, требуя предельных теорий, мета-научных подходов и самых смелых вариантов, так и в непосредственном решении проблем, когда к ним уже применимы научных методы. Я отлично понимаю, что трудная проблема сознания принципиально в другом. Так, очевидно, что объекты микромира или макромира наблюдаемы от третьего лица, если вообще наблюдаемы, в любом смысле этого слова, в отличие от ментальных процессов.

Что я хочу сказать, так это то, что несмотря на различие в объектах познания, трудности присутствуют в разных областях. И моя ключевая идея заключается в том, что у всех этих трудностей может быть найдено нечто общее. И это общее является независимым от свойств исследуемых объектов, от их природы, в том смысле, что внимание следует обращать не на природу объектов, которая сама по себе не представляет ничего фундаментально трудного. Я думаю, что критерии трудности познания этих объектов — а значит и критерии трудных проблем — стоит искать в нашей собственной когнитивной ограниченности. Более того, я предположил, что если существует трудная проблема сознания, которая является таковой в силу ограниченности наших познавательных способностей, то мы сможем задать общие критерии для трудных проблем вообще. И если они, эти «трудные проблемы вообще», есть, и если эти критерии окажутся верными, то тогда мы сможем навсегда попрощаться с рядом вопросов, не только в области сознания, но и в других науках. Если же нет и мы увидим, что некие вопросы полностью соответствуют критериям «трудной проблемы», но в то же самое время успешно решены, то придется отнять часть пафоса у этого определения: ведь тогда проблема окажется трудной только отчасти, поскольку будет решена, как и ее коллеги по цеху.

Вернемся опять к проблеме сознания: подход, который предполагает, что трудность познания природы нашего опыта лежит не в свойствах этого опыта, а в нашей собственной природе, не является, на мой взгляд, широко распространенным в современной философии сознания. Хотя, как я думаю, он берет свое начало в трудах Юма и Канта, но в настоящее время я могу выделить лишь нескольких исследователей, которые работают в рамках этого *эпистемологического* подхода. На мой взгляд, это Левин, Хомский, Нагель и Макгинн — по сути, чтение их работ заставило меня задуматься о том, а верно ли мы вообще понимаем трудность трудной проблемы.

Действительно, здесь нужно некоторое пояснение. Не все ли равно, в объекте или в субъекте затруднение, да и вообще: как можно провести это разделение?

Попробуем пояснить эту мысль: в чем вообще суть моей претензии, есть ли принципиальная разница в том, говорить ли о трудной проблеме или же о затруднении субъекта?

На мой взгляд, есть, и вот почему. Дастин Хофман в фильме «Человек дождя» играет роль аутиста — человека, полностью неспособного решать некоторые задачи, связанные с повседневной, обычной социальной жизнью. В то же самое время он обладает одним особым качеством: он с успехом решает математические задачи, более того, он применяет различные математические методы для описания и моделирования различных процессов. За исключением карточной игры, такое моделирование не может быть где-либо применено, сам он при этом не является математиком и не строит математических теорий. Для окружающих его людей его способности выглядят поистине феноменально, превосходя все возможные представления о математических способностях человека. Тем не менее, как аутист, он не способен на самые простейшие социальные поступки.

Правоммерно ли в данной ситуации говорить о легкости или трудности задач? Я думаю что нет: это будет противоречить здравому смыслу, если мы назовем проблему покупки чипсов в магазине на 16-й авеню в Нью-Йорке трудной проблемой для Человека Дождя. В то же самое время, назвать те математические задачи, которые он решает, легкими — также весьма странно. Скорее мы назовем их сложными, но если нас спросят, почему эти задачи сложные, скорее всего мы скажем: но так ведь это такие сложные математические задачи, их так сложно решить! Конечно, мы должны помнить, что мы разбираем ту ситуацию, когда математические задачи принципиально разрешимы в том смысле, что человек пусть и не знает в точности, как их решать, может в то же самое время проделать некоторую работу (пусть даже она будет связана у него с обучением) и решить эти задачи. Таким образом, трудные проблемы, которые казались ему трудными в силу того, что они были математическими задачами — речь идет об *онтологии* — оказались абсолютно обычными проблемами.

В такой ситуации, мне кажется, мы можем с уверенностью сказать, что, пока мы были в первом состоянии, не могли решить задачи, нам стоило сказать, что они трудны для нас, но лишь потому, что мы слабо понимаем в математике. Подобно тому, как Человек Дождя не может купить чипсы в магазине на 16-й авеню не потому, что это крайне сложная, трудная проблема, а потому что он аутист.

Таким образом, когда мы говорим о трудной проблеме сознания, мы совершаем ошибку, говоря о том, что трудность в природе исследуемого в том, что мы пытаемся решить, — мы просто воспроизводим ту же самую схему, как и с математическими задачами, утверждая, что они слишком трудны, вместо того, чтобы сказать, что мы слишком глупы, что не умеем их решать, что у нас нет навыков.

Какие два принципиальных момента стоит здесь отметить: во-первых, возможно, меня могут обвинить в излишнем формализме. Ну и что, что дело не в проблеме, а в нас? Разве это что-то меняет в трудной проблеме сознания? Какое нам дело, как стоит правильно говорить о нашем незнании?

На мой взгляд, это принципиальный момент: Чалмерс, утверждая принципиальную отличную природу опыта, создающую трудность трудной проблемы, указывает на то, что решить проблему уже имеющимися средствами невозможно — именно поэтому и терпит фиаско философия сознания и нейронаука, психология и когнитивистика. Но ведь это ровно то же самое, что и утверждать, что нам не решить сложную математическую задачу, если мы слабы в математике, не учить математику, а искать какие-то принципиально новые методы для решения «трудной математической проблемы». Напротив, если же мы признаем наличие сложной для нас проблемы в силу наших когнитивных затруднений, то тогда мы сможем говорить о характере этих за-

трудностей, тем самым, решать вопрос о том, сможем мы решить трудную проблему и, если да, то как.

Второй принципиальный момент, который бы я хотел отметить: Человек Дождя с легкостью щелкает математические «орешки», нам это делать крайне сложно, но возможно, пусть и не сразу. Но он не может пойти и купить в магазине чипсы, а мы можем это сделать. И, насколько мы знакомы с явлением аутизма, крайне маловероятной представляется для него возможность решить эту задачу. Надеюсь, что в будущем лечение аутизма достигнет высот, и тогда можно будет «научить» аутиста решать трудные проблемы, либо вылечить его от аутизма, тем самым сделав его способным решать проблемы, прежде бывшие для него трудными. В случае с сознанием мы можем оказаться в ситуации аутистов, пытающихся тщетно решить простейший социальный пазл: мы пытаемся решить проблему сознания, она трудна для нас, поскольку мы таковы, но не потому что опыт обладает какой-то принципиально непознаваемой обычными методами природой. Именно поэтому идея определять трудность проблемы через субъекта и представляется мне *эпистемологически* ценной. Ведь тогда наша базовая задача будет в том, чтобы выяснить, к какому типу задач относится эта проблема, нужно ли нам лишь провести много времени в поисках, пробах и ошибках, и тем самым прийти к решению, или же нам стоит задуматься о радикальном «лечении» себя от аутизма в отношении проблемы сознания, которое, возможно, изменит наши познавательные способности таким образом, что сознание не будет больше для нас трудной проблемой.

Мне кажется, что указанные выше исследователи, чьи работы и натолкнули меня на изложенную мысль, уже двигаются в этом направлении, однако я уверен, что необходима некоторая рефлексия по поводу того, в чем действительно трудность трудной проблемы, которую, как мне кажется, удалось осуществить в этой статье. В самом деле, многое уже сделано и замечательно иллюстрирует мою идею. Курт Левин постулирует существование объяснительного провала — некоторого эпистемологического затруднения при попытках решить проблему сознания, указывающего на нашу собственную неспособность (по крайней мере, сейчас) объяснить связь между физическим и ментальным. Ноам Хомский говорит о модульности нашего ума, способного решать лишь определенные задачи, некоторые из которых навсегда останутся для нас тайной, оставшись за пределами когнитивных способностей. Томас Нагель одним из первых упоминает о принципиальном различии в когнитивных способностях и в содержании опыта различных существ, показывая нам, что то, что может быть естественно для летучей мыши — ориентироваться по эхолокатору — оказывается величайшим затруднением, недоступным нам. Колин Макгинн суммирует их аргументы, вводя однако идею о «степени» той или иной способности, предполагая, что, даже имея возможность решать некоторые проблемы, мы всегда должны иметь в виду возможность некоторой градации этих способностей как в сравнении одного существа с другим, так и в масштабе всего вида.

Я не уверен, что свойства нашего познания, наша когнитивная ограниченность верно определены этими исследователями. Но моей задачей и не было выяснять пределы наших познавательных способностей и указывать критерии трудных проблем. Моей задачей в данной работе был критический анализ трудной проблемы сознания как понятия, используемого для более успешной работы в области исследований сознания. Необходимо признать, что понимание трудности трудной проблемы как фундаментального свойства исследуемого объекта и определение ее через свойства выделяемого объекта приводит к обратным результатам: ведь тогда мы не продвигаемся от идей Декарта ни на шаг, оставаясь на том же разделении двух субстанций.

Напротив, признание эпистемологического подхода к определению трудной проблемы — и признание принципиального наличия когнитивных границ нашего познания — дает нам возможность для поиска критерия трудных проблем, а также для описания пределов наших познавательных способностей.